

Антонио Негри (1 августа 1933 — 16 декабря 2023)

Storia di un comunista

Про Томаса Гоббса иногда говорят, что судьба подарила ему две жизни. Действительно, по меркам своего времени отец современной политической философии прожил невероятно долго, это и сейчас долго, а для семнадцатого века — почти вечность: он успел застать Ренессанс (даже поработать с Бэконом) и пережил Спинозу (с точки зрения примитивного подсчета лет жизни тот мог быть его внуком).

Хорошо известно, что Антонио Негри поклонником Гоббса не был: идея суверенитета (в современном его понимании), изобретателем которой принято считать английского философа, близка ему не была, возможно, в том числе и потому, что знаком он с ней был не только в теории. Но кое-что их все же сближало — число жизней и умение их прожить. Здесь, пожалуй, Негри знаменитого англичанина превзошел.

Антонио Негри родился в 1933 году, его отец был коммунистическим активистом в Болонье. В студенческие годы он на некоторое время вступает в католическую молодежную организацию, но надолго там не задерживается: политическая идентичность на юге Европы — очень часто семейное дело и передается по наследству. Этот опыт, однако, не проходит даром, здесь, по его собственным воспоминаниям, он становится «коммунистом до встречи с Марксом»: впервые задается

вопросом о том, что такое общее, что значит быть сообща. Его философские интересы в годы учебы в Университете Падуи, как позже скажет он сам, «разрозненны и хаотичны»: Хайдеггер, феноменология, Сартр, Витгенштейн, американский прагматизм. Затем он получает стипендию в Ecole Normale и целый год занимается Гегелем под руководством Жана Ипполита, однако квалификационную работу опять в своем университете в 1956 году пишет о немецком историзме: Дильтей, Трейчке, Майнеке, Вебер.

Вскоре он сам начинает профессорскую карьеру там же в Падуе, преподает политическую философию и теории права, публикуется, много ездит по делам Итальянской социалистической партии, от которой избирается в городской совет Падуи в 1959 году. Он часто посещает Югославию (в том числе знаменитые встречи на Корчуле) и даже приезжает в СССР («Я помню, как шел по этой улице, — скажет он много лет спустя, — только тогда на ней было очень мало людей»), но бюрократический социализм несильно впечатлил молодого активиста итальянской соцпартии. В общем, это жизнь довольно успешного интеллектуала. В это же время происходит важная встреча: знакомство с редколлекцией леворадикального журнала *Quaderni Rossi*. Его основатели, Раньеро Панциери и Марио Тронти (еще одна важная фигура в истории «итальянской теории»), советуют Негри всерьез заняться Марксом. Чтение Маркса вызывает стремление разобраться, «как оно работает на самом деле», там, у настоящих рабочих. Это желание приводит молодого профессора к проходным химическим комбинатов и НПЗ в Порто-Маргера.

В этом месте начинается, нет, не следующая, но еще одна жизнь Антонио Негри, жизнь радикального теоретика и активного участника рабочего движения. Здесь он получит свой псевдоним «Тони», который останется с ним как второе имя до конца жизни. Увиденное на фабрике разительно отличается от речей партийных и профсоюзных боссов, и от того, что можно прочесть в книгах самого Маркса. Становится понятно, что и теория, и формы политической организации нуждаются в основательном пересмотре. Из этой политической потребности в 1960-е годы возникнет «рабочая автономия», радикальное политическое движение, вовлекающее в свои ряды не только пролетариат, но и другие не представленные городские слои — студентов, безработных, непостоянно занятых. К середине 1970-х это уже серьезная сила на улицах и в заводских цехах и новое слово в политике. Майкл Хардт, будущий соавтор Негри, позже назовет Италию «лабораторией», где возникнут новые формы политики. «Автономию» оформляет специфическое интеллектуальное течение, известное теперь под общим названием «итальянского операизма»: труд — это производство общего, подвергающееся постоянным атакам со стороны капитала, поэтому их отношения — это отношения политические, то есть вражда и антагонизм, которые не могут быть целиком опосредованы партиями и профсоюзами. Эта непрерывная война и является мотором мировой истории, поэтому Маркс — это, прежде всего, политический мыслитель (позже мы увидим повторение этого важного тезиса в «Империи» и ее продолжениях).

С середины 1960-х годов Италия становится политически довольно беспокойным местом. Дают о себе знать многочисленные проблемы, вызванные сначала бурным экономическим ростом, а затем — его замедлением. Обычно вспоминают «Красный май» в Париже 1968 года, но мало кто вспоминает, что в Италии такой «май» начался несколько раньше, а потом задержался. Примерно на 10 лет. «Коммунистическая партия Италии», «социалисты», «христианские демократы», «исторический компромисс», «еврокоммунизм», «Горячая осень-1969», «свинцовые годы», «Красные бригады» и т.п. — теперь все это кажется непонятными иероглифами далекой эпохи, а когда-то не сходило с телевизионных экранов и первых страниц газет. Страну непрерывно сотрясают политические битвы: забастовки, непрерывные стычки между левыми и правыми, одними левыми и другими левыми, демонстрантами и полицией, всех со всеми, взрывы, бунты и восстания. По сути, это гражданская война низкой интенсивности. Все это время «автономия», сложная и неустойчивая амальгама из непарламентских радикальных организаций играет важную роль в итальянской политике: «большие» официальные партии и профсоюзы обнаруживают слишком явное стремление договориться, поэтому политическое уходит на улицу, чтобы в конце концов превратиться в террор. Последней каплей становится печально знаменитое похищение и убийство «Красными бригадами» бывшего премьер-министра и влиятельного члена Христианско-демократической партии Альдо Моро в 1978 года, после которого итальянское государство переходит к крайним мерам. К началу 1980-х годов *Il movimento*, как называли тогда «автономию», полностью разгромлено. Негри, как и еще два с лишним десятка человек, арестуют 7 апреля 1979 года. Следующие четыре года он проведет в тюрьме. В это время выйдет «Маркс после Маркса», книга, созданная на основе семинарского курса, который Негри, по приглашению Альтюссера, вел в Ecole Normale, — в ней подводились теоретические итоги итальянского «горячего десятилетия». В тюрьме же будет написана «Дикая аномалия», книга о Спинозе, главном божестве собственного философского пантеона Негри, и, вероятно, важнейший текст неоспинозистского ренессанса. Первый набор обвинений, связанный с похищением Моро, развалится в суде, который сам по себе превратится в значительное для итальянских медиа событие. Следствие не отступится и придумает новое: пусть причастность к насильственным действиям установить не удалось, но можно попробовать вменить «моральную ответственность» за создание «атмосферы ненависти и нетерпимости». Обвинение запрашивает 14 лет тюрьмы. Пока идут судебные прения, Антонио Негри избирается в парламент Италии по списку «Радикальной партии», а депутату, как известно, полагается неприкосновенность, и он выходит на свободу. Свобода не длится долго, практически сразу в парламент вносится вопрос о снятии иммунитета, который решается положительно (по злой иронии, несколько недостающих голосов дают депутаты от той самой «Радикальной партии»). Негри решает больше не искушать фортуны и нелегально перебирается во Францию.

Франция не чужая ему страна, здесь есть друзья и знакомые, они помогут с адвокатами, которые докажут преследование по политическим мотивам (а таких французская юстиция не выдает), и с жильем — на первое время. Но нет документов, нет работы и нужно начинать все сначала. Это жизнь проигравшего изгнанника. Позже Негри скажет, что опыт поражения очень важен. Единственным способом как-то вернуться в профессию на новом месте оказывается социология, и Негри начинает заниматься исследованиями труда фабричных рабочих в Сен-Дени, фактически же он изучает деиндустриализацию, в тот момент только начинавшуюся. Здесь, видимо, он получает подтверждение своим догадкам, сделанным еще в Италии прошлого десятилетия: с «трудом» и «работой» что-то происходит, нужно изобретать новые понятия. Во Франции Негри напишет “*Il potere costituente*”, свой *magnum opus* об учредительной власти, впечатляющее своей мощью и до сих пор толком не прочитанное погружение в историю идей. Постепенно все налаживается, он снова начинает преподавать, но изгнание не перестает быть изгнанием, и вот спустя четырнадцать лет Негри решает вернуться в Италию. Вряд ли это была ностальгия, Негри к памяти относился довольно настороженно и не считал необходимым ее культивировать, он говорил, что важны воспоминания, а не память. Сам он желал окончательно свести счеты с прошлым, полагая, что его возвращение и вопросы 1970-х, поставленные в новом контексте, помогут облегчить участь заключенных 1979 года, многие из которых продолжали находиться в тюрьмах. Так или иначе, вернувшись домой в 1997 году, Негри снова оказывается в тюрьме, так продолжается два года, пока не выходит «Империя». Сам Негри будет вспоминать позже, что эта книга началась как случайность и тоже как своего рода неудача: одно из парижских издательств затеяло учебник по современной политической теории и заказало ему главу о суверенитете. С учебником ничего не вышло, а вот судьба написанного оказалась неожиданной. Пришедшая вместе с «Империей» всемирная известность приносит облегчение режима содержания, Негри сначала возвращают ограниченную свободу передвижения, а в 2003 году оправдывают окончательно.

За «Империей» (2000) последуют «Множество» (2004), затем очень важная книга с плохо переводимым на другие языки названием «Commonwealth» (2009), и «Ассамблея» (2017). Впрочем, эта жизнь профессора Негри, жизнь автора академических бестселлеров, известна, наверное, лучше всего. Стоит, наверное, добавить, что эти книги демонстрируют совсем другого Негри: на место внимательного читателя, герметичного и скрупулезного экзегета Маркса, Спинозы, Декарта, Макиавелли, Ленина, Харрингтона и т. д., приходит визионер, не боящийся широких исторических и теоретических обобщений и смелых картин утопического воображения. Впрочем, в таком необычном развороте велика и заслуга его соавтора, Майкла Хардта, человека, чья роль в открытии так называемой «итальянской теории» для мировой академии неоспорима. Эти книги вызывали и еще, наверное, вызовут дискуссии, зачастую необычайно острые, остается под вопросом и их главная гипотеза и абсолютный горизонт — коммунизм. Необходимо, одна-

ко, помнить, что написаны они были в разные моменты нашей, уже сегодняшней истории, как попытка понять ее повороты и конъюнктуру, но всякий раз их цель состояла в том, чтобы предложить глубокий теоретический взгляд на нашу политическую онтологию из новой перспективы, поэтому в этом качестве они еще точно будут нужны.

Была ли какая-то из этих жизней Антонио Негри главной? Отвечая на этот вопрос, вряд ли получится расставить приоритеты, поскольку жизнь не поддается присвоению и никогда не сводится к иерархиям приоритетов. Жизнь для коммуниста — это непрерывное конструирование общего. В Негри больше всего восхищали его искреннее любопытство и интерес буквально ко всему. К происходящему вокруг, к собеседнику. В нем не было ничего от академической «звезды», вопросы он, как правило, начинал задавать первым, это было практически неистощимое желание встречи с новым. Его суждения о текущих политических делах были напрочь лишены фантазий и догматизма, некоторые из них меня удивляли и казались странными, теперь же остается лишь поражаться их пронизательности. Спинозисты, последователи одной из самых странных и необычных философий, в злободневных вопросах очень часто оказываются трезвомыслящими холодными реалистами. Впрочем, здесь не будет никакого парадокса, если помнить про «не осмеивать, не огорчаться, не клясть, а понимать». В какой-то момент Негри очень устал от вопросов о некоторых эпизодах своей жизни и просто перестал на них отвечать. И действительно, что может узнать праздное любопытство, обычно скрывающееся за такими вопросами? В одной из последних своих книг, в автобиографии *“Storia di un comunista”*, он объясняет, что это «отсутствие памяти» было ему необходимо не только для того, чтобы выжить после ареста. Цель этого «отказа» была еще в том, чтобы спасти от поражения истину борьбы целого поколения, которая в противном случае была бы искажена, фальсифицирована, стерта до того, как придет время сделать общими воспоминания о ней.

А еще так случилось, что память часто бывает спутником смерти, о которой, как известно, человек свободный думает мало, и мудрость его должна состоять в размышлениях о жизни (это верно, мало кто интересовался жизнью так, как Антонио Негри). Мы же пока останемся, и если впереди и правда нас ждет «новый семнадцатый век», то память (на этот раз уже и как способность) может еще пригодиться.

Максим Фетисов